

РОМАН СОЛОДОВ

ПРОКОЛ

(роман)

Нью-Йорк

2013

Солодов Р.Н.

ПРОКОЛ
роман

Дорогой читатель! В наши дни роману, где показан беспредел силовиков, прикрытый фиговым листком экономических интересов России, трудно пробить дорогу в регулярное издательство.

Это книга о жадности и семейных ценностях, о предательстве и верности, но ее главная тема - материнская любовь, совершившая невозможное, ибо для этого чувства нет преград, даже моральных. Женщина побеждает ФСБ, сражаясь по принципу «на войне все средства хороши».

Copyright 2013 by Roman Solodov
All rights reserved

Оформление обложки Муза Солодов

Посвящается Музе – моей жене и другу.

*Мать – это тот человек, который
нужен вам, когда больше никто на целом свете не
может помочь.*

*Здравствуй, читатель. Хочу представиться – я автор.
Буду ненавязчиво комментировать поступки персонажей и
события в романе по мере их развития.*

Если утро молодой пары начинается со скандала, это несчастная семья. Привычно разругались вечером. Начала жена. У супругов была ночь, чтобы навести мост через пропасть раздора, проснуться довольными друг другом и хотя бы на время отложить

очередной скандал. Муж попытался прибегнуть к сакраментальному способу примирения, но... Жена не захотела и в этот раз мириться. Даже не прибегла у стандартной женской отговорке – головная боль. Молча отпихнула, отвернулась и заправила одеяло так, чтобы между ними образовалась стенка.

Утром она вошла на кухню полностью одетая и со спортивной сумкой через плечо. Так, на минутку, бросить в мужа пару ядовитых слов перед разлукой. Увидела бутерброды, чашку, в которой попеременно с сахарным песком лежал порошок под названием растворимый кофе, как раз в том количестве, которое она потребляла каждое утро, и стоял лимонный кружок.

- Ты даже не представляешь, как мне надоело твое кофе с лимоном и твои бутерброды.

Андрей стоял спиной к кухонной двери, услышал злобность вместо равнодушного «доброго утра», не удивился, но слегка отпустил тормоза:

- Кофе, это не пиво, Ксюша. Мужского рода напиток. Как квас, морс, сок, - он повернулся к ней. Увидел, что она одета и слегка придавил педаль газа. - Постарайся запомнить, два года учу.

- И учеба твоя надоела, и интеллигентность. Глаза твои, просящие секса, и секс твой: тупая и примитивная механика!

Замечу, что слово «секс» Ксения стала употреблять, только попав в столицу. Научилась от мужа, которому оно нравилось образностью, краткостью и многозначностью.

Она отшатнулась, когда он шагнул к ней. Но обошлось. Только чашка хрустнула под объятиями его пальцев. Мгновенная боль от порезов отрезвила его.

- На секс ты не жаловалась, - проговорил он, задушив справедливое желание швырнуть в нее останки.

Когда женщина желает оскорбить по-настоящему, она бьет по самому уязвимому месту мужского самолюбия. Муж может считать себя половым гигантом, но, если жена в этом усомнится, в ледяном поле его самоуверенности сразу же образуется тонкий слой. Когда женщина долбит лед именно в этом месте, это означает

только одно – она уходит навсегда, ибо знает, что после такого оскорбления возврат невозможен. Мужик может психануть, когда ему в лицо выплескивают все, что думают о его уме, внешности, характере... Проходит время, гаснет пожар, и любовники возвращаются на пепелище. У реставрации есть шанс. Однако «счастливый» финал исключен, когда женщина затрагивает тему половой несостоятельности. Здесь уже отношения никогда не восстанут из пепла.

Андрей понял, что жена порывает с ним окончательно. Надежды на благополучный исход затянувшегося конфликта рухнули после одного только слова - «механика». А супруга продолжала проламывать лед в той же точке:

- Не знала я, что такое секс. Дурой была.

- С каких это пор ты поумнела? – не удержался Андрей, втягиваясь в бессмысленное словопроение.

Что еще вы хотите узнать, Андрей Николаевич? Какая вам разница – изменила Ксения или нет еще. Она уже чужая для вас женщина со своей сексуальной жизнью, которая вас не касается. Не демонстрируйте мужскую тупость.

- С недавних, - жена поправила сумку, которая явно оттягивала ей плечо.

- Чего ты злишь меня? Намеки какие-то...

- Намеки? – она хмыкнула. - Тебе открыто говорят, а ты – намеки!.. Мне что, подробности рассказать? Ты любишь порнуху... но не до такой же степени!..

- Ты тоже не отказывалась смотреть... А-а!..- он швырнул куски фаянса в раковину и взглянул на кровоточащую ладонь. - Ты меня разлюбила. Черт с тобой... Но я тебе ничего плохого не сделал.

- Как это не сделал? Я два года с тобой потерял.

- Да ты только два года назад приехала из Мухосранска в столицу, - он открыл воду. Подставил ладонь, смывая кровь. Открыл шкафчик и достал аптечку. Из аптечки извлек биндажи.

И этот туда же. Прицепился же к людям штамп. Кстати, вполне приличное название носит ее родной городок – Влодин, с ударением на первом слоге. Но когда персонаж книги ли, фильма, сериала хочет подчеркнуть заштатность города, то у него на языке только одно имя – “Мухосранск». Как будто в других городах мух совсем нет.

- Вот их я и потеряла. Лучше б сама поехала, как собиралась.

- Ты ко мне ввалилась с поезда. Скажи спасибо, что в дом пустил. От панели избавил. Видала Москва таких.

Она помолчала коротко.

- Удивительно, все же. Твои коллеги говорили мне, что ты химический гений. И я поверила после штатников. Да какой ты гений...

- А это ты о чем?

- О панели. Если провинциалка, то обязательно панель. Ладно, я ухожу.

Признаю правоту Ксении насчет панели. Такой же штамп. Мой герой начинает меня разочаровывать.

- Это я понял. Можно узнать, куда? – он пытался аккуратно заклеить порезы, но пальцы дрожали.

- На панель. Хотя какое-то сексуальное разнообразие.

- Уходя, уходи. Зачем «обидеть норовишь»? Мне казалось, ты была довольна нашим сексом.

- Притворялась.

- Но зачем? – он удивленно посмотрел на нее.

- А ты не знаешь, зачем мы притворяемся?

Он вдохнул, чтобы ответить, но смолчал. Подумал, что их разговор удивительно бездарен. Он как будто поглупел на порядок. Оба наговорили столько глупостей друг другу за десять минут, сколько не было за два года. И не с его знаниями лезть в сексуальные дебри, в которых сам Фрейд мог заблудиться.

Мне кажется, самое время прекратить бессмысленный треп. Не ваше это дело, Андрей Николаевич, куда, к кому... Как интеллигентный человек проводите ее до двери и начинайте переживать в одиночестве с бутылкой коньяка и бокалом. Вы же женились на ней вопреки осторожному совету вашей мамы, которая оказалась достаточно мудрой, чтобы не противиться мезальянсу, ибо не хотела ссориться с единственным сыном. Но теперь все закончилось.!

- И где жить будешь? – Андрей Николаевич не последовал совету автора. Как и всякий нормальный человек, он был любопытен.

- Есть коморка. Лучше этой хрущобы.

- Это не хрущоба...

- Это ж надо, я считала это жильем. В порядок приводила. Вот дура была...

- Да ты вспомни, в каком сарае жила двадцать лет. Ты о такой-то не мечтала.

В который раз вам говорю, Андрей Николаевич, заткнитесь. Вы же сами знаете, что ваша квартира – две разнесенные по разные стороны комнаты, с маленькой кухней и совмещенным санузлом посередине в приличном, правда, доме и хорошем районе - никак не может быть предметом гордости. На минуточку, мать купила.

Восторги Ксении длились недолго. Это в ее городке не было усадеб. Потому запросы девушки были скромны по московским меркам. Мир кино, гаиенды, фазенды, знойные страсти воспринимались ею как сказки, сочиняемые ушлыми людьми для развлечения зрителя. А в Москве она поняла, что виллы, роскошные квартиры и пентхаузы в самом деле существуют, и в них обитают богатые самцы.

И нет ничего недоступного с ее внешностью.

Надо отдать ей должное – сразу же, как только она угнездилась в квартире, стала приводить ее в порядок. Сама сделала

ремонт покруче европейского. Конечно сантехнику (ванне в обновленной квартире места уже не нашлось, ее заменил душ - Шарко) и полы ей делали профессионалы.

Ее страстные споры с работягами о стоимости работ заслуживают отдельной новеллы.

Но все остальное, включая плинтусы, она сама. Даром что ли была она маляршей в родном Мухо...

Ой! Прошу прощения. Хотел сказать «в родном Влодине».
Умолкаю, ибо чувствую, что уже надоел с комментариями.

Она могла и краны поставить, и обои наклеить хоть на выставку, не говоря уже о покраске. Андрей помогал, как мог, но в основном путался под ногами и удивлялся про себя, что руки ее остаются такими же красивыми, как и были, когда он ее впервые увидел. Трудно догадаться, что она из славной когорты маляров.

На этом ее трудовая деятельность закончилась. Сыграли роль новые знакомства в фитнес центре. Вновь приобретенные подруги только морщили носики, когда слышали о рабочих профессиях, и у Ксении хватило ума не гордиться своей принадлежностью к славному рабочему классу. Их послушать, так вся жизнь была сплошным карнавалом, где участники носили маски довольства и полного морального удовлетворения своим положением. Никто не говорил о своей работе, и создавалось впечатление, что все они сидят на шеях у своих мужей или любовников, что конечно было не так. Но Ксения поначалу принимала их щебетание за истину. Потом она разобралась, но уже вошла во вкус ничегонеделания. Андрей ее на работу не гнал.

Она усекла разницу между ученым, пусть весьма толковым, хорошо зарабатывающим, и олигархом – любимым. Он может быть и небольшим – так себе олигархишко - не уровня Абрамовича или Тимченко, но все равно... Разве может самый великий ученый подарить жене торговую фирму, чтобы благоверная не сходила с ума от безделья?

Стоит заметить, что в родном городе Ксения была «скромна и молчалива». Возле нее увивались местные бароны (на королей город не тянул), но девушка себя блюла. Брат ее, десантник, обеспечивал защиту от посягательств на ее невинность. Порой с избыточным рвением. Но Ксения не боролась против такой опеки - она знала, что ее внешностью в старых девах не засидится. Ждала принца. И дождалась! В приехавшей из Москвы команде, которую принимали на уровне губернатора, оказался московский граф тридцати лет, вокруг которого и крутилась вся местная знать во главе с хозяином губернии. Графа звали Андрей Николаевич Платонов. Его знания, но главное - всероссийские связи в химической и смежной отраслях совершили чудо. По его звонкам завод получил все необходимое для возрождения усохшего производства химволокна и прочей полимерной дряни. Город буквально воскрес из мертвых.

Ксения подошла к нему в ресторане. Откуда он «девочку нашу повел в кабинет». В люксовый номер гостиницы. И куда в этот момент брат смотрел? И там он «бесконечно сделал счастливой ее саму и всю ее семью». Как после этого прикажете поступать? Поматросить и бросить? Но она понравилась ему, Почему бы не пригласить ее в Москву? На время... А что? Поживет у него, освоится и найдет кого-нибудь себе подстать. С такой-то внешностью да не найти. Сам он не собирался на ней жениться. У него была женщина в Москве. Коллега по работе, замужняя... Она его устраивала. Встречались у него на квартире либо в номере приличной гостиницы, где их знали. Андрею захотелось разнообразить меню, и ему удалось себя обмануть насчет избранницы.

Ксения приехала в плацкартном вагоне через два дня после его возвращения из Влодина. Когда он открыл дверь, она, стоя на пороге с очень скромным видом, сказала, что приехала на время, как договаривались. Для нее этот переезд был переселением в чужую страну, чем являлась столица для большинства граждан России. Да она живой комп увидела только, когда вошла с его квартиру. С него и началось ее приобщение к столичной жизни. Инстинктивно поняла, что сегодня эта плоская коробка есть главное средство приобщения к современному миру. Очень быстро у нее появился свой электронный адрес и пальчики ее забегали по

клавишам со скоростью, которая поразила Андрея Николаевича. Первые результаты компьютерной учебы он заметил в еде и сексе.

Сначала о еде. От мамы Ксения знала, что путь к сердцу мужика лежит через его желудок. Знать-то она знала, но талант ее не раскрывался при скудном наборе продуктов в их Влодине. Дар прорезался в Москве еще и потому, что появился стимул – мужчина, которого надо хорошо накормить. Она научилась создавать необычные блюда. Все было так вкусно, что во рту таяло и за ушами трещало. Мама Андрея стала приходить на обеды и сдержанно похваливать будущую невестку.

И с сексом произошли волшебные перемены. Поначалу вся любовь случалась только в постели, как и положено в мещанско-буржуазной семье. Но Ксения быстро прошла путь от невинной девушки до опытной и все умеющей женщины, желающей заниматься сексом в любом месте квартиры в любое время, что привело Андрея в восторг, смешанный с недоумением – откуда дровишки? Родилось подозрение. Андрей начал расследование и сразу нашел виновного – его комп. Ксения вышла на порнографические сайты и все почерпнула именно оттуда. А чему можно было приписать феноменальные перемены в фигуре – фитнес центру или почти постоянному занятию любовью остается только гадать. Раздались, умеренно выросли и встали холмиками груди, на которые можно положить орден Андрея Первозванного без риска, что он соскользнет, выпуклый овал пятой точки натянул ее джинсы, и она завертела ею с природной грацией сексапильной женщины, ноги... ноги такими же и остались – прямые как ствол мачтовой сосны, длинные с округлыми коленками, которые хочется закрыть ладонями, чтобы ощутить их упругую гладкость, тонкими лодыжками, легко обхватываемые пальцами, чтобы поддержать их возле своих плеч.

Трансформация женщины по имени Ксения была до скуки стандартной. Когда Андрей в начале знакомства попытался поцеловать ей руку, она захихикала, как будто он делал что-то неприличное. Уже через полгода на тусовке в каком-то элитном клубе он был поражен элегантностью, с которой Ксения протянула руку для поцелуя. Через два года из скромной золушки, приехавшей в Мос-

кву, она превратилась в гламурную диву типа ее тезки со знаменитой фамилией. Талантов таких Ксения Платонова не имела, но могла поспорить размерами амбиций. На ее стороне была красота, достойная конкурса любых «Мисс». Зарплату Андрей тратил на жену, одевая ее по последним картинкам модных журналов. Ксения не задавала вопроса – откуда у супруга бабки, а муж не устраивал скандалы типа «где деньги, Зин», но молча платил по счетам кредитной карты, которой Ксюша научилась пользоваться с завидной быстротой. Но она не зарывалась.

Андрей довольно быстро прекратил шляться по тусовкам, понимая, что он только время теряет на пустые и смутные разговоры и бесполезные знакомства. Но против походов жены не возражал, пребывая в удивительном ослеплении, в котором пребывают многие мужья, полностью доверяющие своим женам. Но на Ксению обратил внимание нефтяной магнатишко. Когда она узнала, сколько он стоит, судьба ее супружества с Андреем была решена.

Андрей! Буду к тебе на ты. А ведь первое треньканье звонка прозвучало давно. Не помнишь? Ну как же. Это было во время обсуждения свадебной процедуры. Ты сделал предложение, зная наверняка, что отказа не будет. Любовь между вами. И второе – откажись она, поехала б домой. О такой прозе жизни в такие минуты не говорят, но думают. Рука и сердце были приняты. Однако вернемся к звоночку.

Во время обсуждения приятных подробностей Ксения поразила Андрея, сказав, что не хочет видеть на свадьбе родных. Никого! Ни мать, ни отца, ни брата.

- Ты что, Ксюш? – Андрей удивленно воззрился на невесту.
- Не хочу, - в голосе Ксении он не услышал металла.

Интонация запросто передает негативное отношение без всяких железяк.

- Ксюш. На такое событие зовут всю деревню...
- Ты еще нюшек с малярного цеха пригласи.

- И пригласил бы... Просто они далеко. А ты сама-то кем была?
- А вот это никого уже не касается. Даже тебя. Слава Богу, что они далеко. Их еще не хватало.

- Да Бог бы с ними. Но предков - то надо позвать.

- Не хочу! Никого не хочу видеть. И не хочу, чтоб их видели мои подружки. Я как представляю папочку в его древнем костюме с лацканами во всю грудь, мне дурно делается, - с удивившим его спокойствием произнесла Ксения.

Она все решила. Московские подружки ей дороже, ибо родные в прошлом, куда Ксения никогда не вернется, а товарки – сейчас и в будущем, они нужны, ими можно воспользоваться. Но у них тоже свой счет – им не нужна подружка, у которой родители лаптем щи хлебают, а брат способен на десантное жлобство.

- Да ты даже имени отца стесняешься, Федоровна. Полчаса уговаривал тебя сказать отчество, - Андрей махнул рукой и набрал номер на мобильнике.

- Василий?

- Да. Кому нужен?

- Привет! Это твой будущий... А черт его знает, кем я тебе буду, когда женюсь на твоей сестре. Как поживаешь?

- О! Андрей Николаич! Решил - таки? Молодец. Рад за Ксюху. А будешь ты мне зятем.

- Это я Федору Петровичу буду зятем, А тебе... даже не знаю. Позор на мои седины. И потом, никаких Николаичей. Андрей и все.

- Андрей, - сразу перестроился Василий. - Ты мне тоже зять. Я знаю.

- Даю сестру. Она тебе все расскажет. Официальные приглашения получите. Увидимся на свадьбе, - Андрей протянул телефон Ксении, не обращая внимания на ее злые глаза. – Разместим всех. У мамы трехкомнатная. Места всем хватит.

А ведь ты мог врубиться, на ком женишься. Но совсем ослеп. По сравнению с Ксенией ильфо-петровская Эллочка сущий ангел во плоти.

Однако хватит истории. Непонятен мне сегодняшний разговор. На что ты надеешься? Сейчас твоя жена вывертывается

наизнанку – ты в самом деле ничего ей плохого не сделал. Я свидетель. Откуда в ней столько злобы? Ведь Ксения отлично понимает, что два года были нужны для разбега. И не было ничего плохого. Непонятно, откуда берется стерженность в бабах.

- Все же ты какой-то... недоделанный, что ли. Или слепой. Ты что, не видишь, как люди живут?

- Какие люди?

- Богатые! – с открытым ехидством сказала она. - Вот есть в этой стране богатые люди. Побогаче твоей мамы. А ты не знал? А я была во дворце! С прислужгой... с холодильником для шуб – моих шуб!.. с винным погребом... спортзалом, бассейном... со всем, что надо женщине! И все это будет мое! Уже сегодня! – она еще раз поправила сумку на плече.

Он налил воду в ее чашку.

- Интересно. Неужели ты меня настолько презираешь, что не боишься?

- А чего мне бояться? Ты ж не способен ударить. И не умеешь.

Насчет умения ударить она сильно ошибается. Просто за два года случая не представилось.

- А давай я тебя изуродую. Сейчас, пока ты еще здесь. Возьму нож, - он взял нож со стола, подкинул и ловко поймал за рукоятку.

Ксения вдруг поняла, что ее недотепа муж – ученый, не от мира сего, с ножом-то на короткой ноге.

- Глаз выколю,- продолжал он манипулировать ножом. -. Даже не два... Один. Кому ты будешь нужна?!

- Не смей меня, интеллигент. За себя-то постоять сможешь?

Но после ножа Ксения засомневалась в своих словах. Ей стало неуютно..Она поняла, что надо сматываться. И поскорее.

Может, в этом причина злобы? Ну не может она с интеллигентом. Брутальности мужу не хватало. Чтоб за волосы таскал, поколачивал!.. Вот и накопилась за два года тоска по кулаку. Нет! Не верю в бабий мазохизм. Поднимаю руку.

- А зачем ты вообще пришла вечером? Неужели только, чтоб ушат грязи вылить?

- Проститься...

- Ничего себе прощание. А сумку-то вон как набила. Духами? Он же тебе все купит!

- Прощай, Андрей, – она еще раз поправила сумку на плече и показала ему спину.

Он с трудом заставил себя встать из-за стола и пошел за ней. Когда вышел из кухни, бросил взгляд на их спальню. И сразу дошло, почему пришла и осталась на ночь. Ради такого стоило пойти на жертвы - разделить постель с постылым мужем. Пусть без секса, но все равно...

Андрей догнал Ксению, которая уже открывала дверь, и рванул сумку с ее плеча.

- Не-а. Это не твои драгоценности.

Ксения ухватила за ремешок и потянула сумку на себя.

- Дверь закрой. Еще нахватало, нас соседи увидят, как мы золотишко мамино делим.

Ксения послушно захлопнула дверь, но сумку не выпустила.

- Это мои драгоценности, - удивленно проговорила она.

- Нет! Забирай все что хочешь, но шкатулку я тебе не отдам, - он потянул сумку на себя.

- Вы мне все это подарили, - Ксения вцепилась в ремешок до побеления пальцев.

- Не я – мама! У меня на золото денег не было. А ты приехала без всего.

- Это мои драгоценности.

- Да ты героиня «Титаника». Та присвоила кулон фамильный, а замуж не пошла. И ты считаешь, что я позволю унести семейные реликвии? Милая...

Они держались за ремешок, грызли друг друга глазами, и Андрей, наконец, вспомнил, что он мужчина:

- Отдашь! - он начал наматывать ремешок на ладонь, при-тягивая Ксению к себе.

- Какой же ты жлоб, - плаксиво проговорила она, выпустив ремешок. – Ты ж удавишь за это золото.

Не согласен. Если не интеллигент (а Андрей в этот момент перестал им быть) так обязательно жлоб? Дари он драгоценности, наверняка позволил бы Ксении их унести. Но мамино золото отдавать не желал. Его было много.

- Да, жлоб. Но на мамино золото не рассчитывай, - он вошел в спальню.

Андрей бросил сумку на кровать и раскрыл ее. Черная сверкающая лаком шкатулка была заложена сверху коробочками парфюмерии. Он вытащил ее, раскрыл, убедился, что украшения – браслеты с гранатами и изумрудами, платиновые и золотые серьги, кулоны, ожерелья, кольца с драгоценными камнями - все было на месте, закрыл шкатулку и поставил ее на трюмо.

- Вот и тебе полегче будет, - Андрей застегнул молнию и бросил сумку к ногам Ксении, не заботясь о том, что флаконы могут разбиться. – А теперь пошла вон.

- А мою одежду я могу забрать? – Ксения тяжело смотрела на Андрея.

- Всю! Я дарил – это твое. Но тебе маз нужен, чтоб все перевезти. Позвонишь, приедешь и заберешь. Я все упакую. Да пошла ты! – сорвался он и пошел на Ксению.

Она попятилась, но он, подхватив сумку с пола, развернул жену и толкнул. Открыл дверь и выпихнул Ксению на лестничную площадку. Вслед за ней вылетела сумка. Прощально грохнула дверь.

Это хамство, Андрей. Она этого так не оставит. Я понимаю твоё состояние. Но приличия надо соблюдать. Нехорошо толкать жену.

А Ксения пала жертвой сволочного характера – могла уйти из дома по-английски. Но нет – захотела напоследок наплевать мужику в душу. И потому нарвалась. Сейчас оба оказались хуже, что неудивительно. Речь-то шла о золоте. Но, если для Андрея это было делом принципа, то для Ксении... Вот ее, как раз,

можно понять, если учесть, что она провинциалка из нищей (по понятиям нуворишей) семьи.

2.

- Мам! Привет. Как ты? – Андрей сидел за столом на кухне и, зажав трубку стационарного телефона плечом, держал в руке фото Ксении. Несколько ее карточек уже были разорваны, и перед ним выросла небольшая кучка разрушенных воспоминаний.

- Привет, малыш, - ответила мама (сын не обижался на «малыша»). – Что случилось?

- А что могло случиться? Звоню, потому что давно не звонил.

- Ага! А почему не с работы?

- Отгул взял. Могу я отдохнуть за все переработки?

- Тебе все позволяют. Пользуешься, что незаменим.

- Да, незаменим. Но я скромн, очень скромн.

- Забыл, что незаменимых нет? Тебе еще напомнят. Но ты никогда не звонил так рано.

- А что? Неужели разбудил?

- Да нет. Я уже кофе пью после прогулки. А ты? Попил свой?

- Нет.

- А-а! Неужели ушла, все же? Вот почему ты из дома звонишь.

Андрей разорвал очередную карточку, стараясь располовинить лицо Ксении. Взялся за следующую, но тут как будто проснулся, внезапно поняв, что ведет себя по-дурацки. Все же Ксения не слабо ему врезала, раз он так глупо реагирует.

- Что молчишь? Я угадала, что ушла?

- Это было легко?

- Угадала. Все же я надеялась сердцу вопреки...

- Мам! - не сдержался Андрей, - А ты можешь не ерничать? Мне бросить трубку?

- Бросай, - погасила его порыв мать.

Они помолчали.

- Ты вот что. Давай ко мне. Обсудим, как дальше жить.

- А что обсуждать? Вот только не могу понять чего ей не хватало...

- Вот об этом и поговорим. У меня столько идей... Приезжай.

- Нет. «Уж лучше вы к нам».

- Хорошо, - согласилась мать. – Приеду к двум.

Алла Петровна в 1958 году была маленькой Аллочкой, любимой своими родителями. Они погибли в автокатастрофе. Не в своем авто. Откуда у скромных интеллигентов, бывших воспитанников детдома могла быть машина. Автобус столкнулся с самосвалом. Жизнь пассажира автобуса зачастую зависит от уровня опьянения водителя встречной машины. Перебрал он – и не стало семьи у Аллочки. Ее родители построили семью вопреки обстоятельствам. Они потеряли своих близких в проклятую Богом и людьми войну, прошли через голодный ад детдомов военной поры, встретились в общежитии пединститута, поженились, родили дочь, распределились в одну школу, сумели ухватить комнату в двухсемейной коммуналке за выездом, были счастливы своим полунищим уделом, даже записались в тающую очередь на телевизор и погибли без долгих мучений.

Дочь осталась жива и повторила их судьбу. Комната перешла к соседям вместе с убогой обстановкой, а Аллочка из больницы угодила в мышастое здание детдома. Сказать, что девочку встретили плохо, значит ничего не сказать. Били. Жалости к сироте воспитанники не ведали. Да и почему они должны были жалеть ее; сами были сиротами от рождения и не знали, что такое родительский дом, где внимание взрослых обращено только на свое чадо и не размывается присутствием чужих детей. В детдоме же ребенок видит в соседе по койке только конкурента в борьбе за мизерные блага.

Аллочка любила жаловаться родителям. После вздыханий жизнь становилась лучше – папа и мама откликались на ее ламентации. В детдоме ее научили, что легавить нельзя. Учительница, которой она пожаловалась на одноклассницу, удивилась, но меры приняла. Она была хорошим человеком. А

девочку жестоко побили в туалете: повалили на грязный пол и пинали тяжелыми ботинками под ее вскрики. Избиение прекратилось по команде, и над ней склонилась воспитанница из старшей группы. Все ушли, оставив их наедине.

- Еще раз пролежавишь, изуродуем, - веско сказала она. – Вставай, умойся и молчи. Мне спасибо, что оттащила их от тебя. За это будешь отдавать свои компоты всю неделю. Поняла? – она наклонилась над избитой и выдохнула ей в лицо смесь от нечищенных зубов и плохо работающего желудка.

Стоп! Хочу сразу сказать, что терпеть не могу натурализма, столь модного в сегодняшней литературе. Без него сейчас и литература не литература. Но никакого гнилья, блевотин, чудовищных запахов или вони невымытых тел, выделений, испражнений, вшей и прочей дряни не будет в этой истории. Не о войне и не коллективизации пишу – тогда без этого не обойтись.

Девочка поняла, что сила, это еда и власть, и избивавшие вводят ее в круг исполнителей чужой воли. И если она не будет такой же второсортной как они, ее ждет печальная участь. Не убьют, но убьют, но сделают невыносимой жизнь в этой тюрьме. Туда нельзя, сюда нельзя, за ворота тем более нельзя...

А до этого она могла загуляться во дворе с подружками, и родители не боялись, что ее украдут цыгане или злые люди на органы. Правда, в пятидесятые еще не крали на запчасти. Человечество не достигло этого уровня прогресса.

Девочка поняла, что лучше не будет, все хорошее осталось в прошлом. Надо выжить - она не произносила этих слов, но помнила рассказы своих родителей, когда они заговаривали о своих детдах и о том, как дрались за жизнь. В ночные часы, лежа на сером белье под колючим одеялом, она повторяла их воспоминания, понимая инстинктивно, что это ее уроки, которые надо помнить и заучить наизусть.

Она стала решать свои проблемы сама. Поначалу ее били все, кому не лень. Почему бы не выместить злобу на безответной. Покровительницы у нее не было – предлагали защиту за разного

рода услуги, порой, весьма странные для девочки, но Аллочка не хотела в кабалу. В один прекрасный момент она дала сдачи однокласснице слабее ее. Избила так, что та пошла в санчасть. Как?! Кто тебя? Упала с лестницы. И не вникали. А Алла вдруг поняла, что в момент избиения она ощутила какое-то новое чувство, никогда ею доселе не испытанное. Потом нашла название – упоение!

Откуда ей было знать, что она выплеснула на жертву чувство, с которым рождается каждый человек на этой Земле. Оно называется злом. Доброта прививается, а зло не нуждается ни в каких прививках – оно в человеке от его природы. Потому ему надо заставить себя делать добро – исключения редки, а для сотворения зла не требуется особых усилий. Недаром история людская это сплошные войны, насилие и массовые убийства.

Через какое-то время она вцепилась зубами в руку, которая прошла по ее щеке. И установилась граница. Все, кто послабее обходили, кто посильнее – не трогали. Повода не давала.

В день тринадцатилетия, ее изнасиловал каптерщик. У сорокалетнего бугая было достаточно опыта, чтобы справиться с ребенком. Его взяли на работу, не проверяя прошлого, а за ним тянулся шлейф искалеченных девчонок. Любил он это дело... Когда все уже спали, заманил Аллу в каптерку обещанием сладкого подарка, который лучше никому не показывать – отнимут. Конечно она пошла. Еще и потому, что он умел себя вести с девочками. Аллу он привечал разного рода поблажками и доверительными разговорами о жизни. Жалел сироту...

В каптерке он накинулся на нее, не дав возможности вскрикнуть. Придушил девочку, и она перестала трепыхаться. Сорвал с нее платье, байковые трусы, надетые на пояс, поддерживающий чулки, опрокинул на уже постеленный на полу матрас, навалился на ее худенькое тело своим бычьим, и после короткой возни со своими штанами...

Все! Останавливаюсь. Больше не о чем писать, потому что дальнейшие подробности будут порнографией с кровью. Чтобы потрафить (в первый и последний раз) любителям клубнички, могу добавить, что он хриплым полушёпотом выдыхал ей в макушку: «Оу! Какая ж ты узенькая... узенькая ты моя»...

После насилия подонок и жертва встретились глазами. В ее мокрых он увидел боль, страх и отвращение... Она в его – равнодушие, брезгливость и сытость... Он не прикрылся. Зачем? Пусть привыкает – небось, никогда такого не видела. Не собирался ее выпускать – у них ночь впереди. Он еще использует ее по-разному, насладится всем, что пока прошло мимо его внимания. А потом он уйдет, как уходил раньше из других детдомов – много их еще по Союзу... На его век хватит. Он не будет ее убивать, разве что потеряет контроль над собой в момент оргазма... но об этом ей знать не надо – пусть помолчит в надежде, что хоть этим его умаслит, и он оставит, нет - подарит ей жизнь. Он не подозревал, каковы были мысли в голове девочки.

А мысль осталась одна. Она пришла не сразу, через сумятицу боли, сжигающей низ живота, через ужас и хаос, поначалу совсем неоформленная, забиваемая вопросами, как дальше существовать с этим, каким будет позор, если узнают – засмеют, зажалуют... Не лучше ли промолчать... и никто не догадается о том, что было... А почему молчать?... Будь ее вина - другое дело. Виновата – скройся и не вылезай с признаниями – здесь ее научили этой мудрости. Но сейчас-то ее вины нет!.. Сейчас можно пожаловаться взрослым... Кто ее осудит?

А как ее одноклассницы? Рано или поздно начнут смеяться. Да никогда!.. Она этого не допустит.

А тогда почему эта жирная сволочь останется безнаказанным? Из-за ее позора? А что она могла сделать? Ничего... но можно что-то сделать с ним, чтобы никогда и никто больше...

Постепенно выкристаллизовалась одна четкая мысль – убить. Здесь и сейчас, а потом выскочить из этого карцера и завизжать, забиться в истерике... ее простят! Ее наверняка простят!.. Но жалеть не будет. Убийц не жалеют, будь они сто раз правы.

Но как это сделать? Она девочка, он бугай, который придушит ее одной левой, что он и делал, когда срывал с нее платье.

Алла потянулась за ним, но услышала:

- Не надевай. Успеешь еще.

- Мне надо в уборную, - солгала она.

- Подмыться? – он хмыкнул. – Щас полотенце дам. Подотрешься...

- Пописать. Я раньше хотела сказать, но не успела. А сейчас... дядя Саша, пожалуйста... Я вернусь...

- Нашла дурака. Ты, хорошая моя, до утра здесь побудешь.

- Ну, тогда я здесь, чего мне... – она быстро встала с матраса.

- Эй, эй! – схватил он за руку Аллу. – Не вздумай. Терпеть не могу запаха ссак. Погоди.

Он стянул с себя брюки вместе с трусами. Встал, бесстыдно демонстрируя перед ребенком свои гениталии. Алла отвернулась.

- Неужто не понравился? – осклабился он. – Это с непривычки. Еще сама почем здря хватать будешь – не остановишь вас.

- Мне в туалет надо, не могу больше...

- Щас, щас, – он огляделся. При свете лампочки, на которую было надето днище зеленой бутылки, стеллажи с запасным скарбом детского дома, едва проглядывались. Но он знал, что где находится.

- Дядя Саша. Ты колготки заграничные обещал подарить. И коробку сливочной помадки. Неужели обманул?

Он обомлел. Такого еще не было. После насилия никто не вспоминал о подарке. Плакали, просили отпустить, грозили пожаловаться... Может, не придется менять детдом, но сделать эту дурочку подручной, и с ее помощью... взвился он мечтами.

- Подарю, подарю. Завтра же, А пока вот, держи, - он сделал шаг к стеллажам и достал с полки детский ночной горшок с крышкой. Передал ей.

- Будь как дома. Оporожняйся.

- Отвернись, - по своейски сказала она и взяла горшок. Сняла крышку.

- Как хочешь, - он пожал плечами и отвернулся, чего никогда бы не сделал, не заговори Алла о колготках.

Но пигалица рассчитала верно – ей надо было заработать крошку доверия. Алла не думала бить горшком по голове: посудина при ее детской силе не проломит ему голову. Она заметила тяжелую сапожную лапу, на которой негодяй загибал ботиночные гвозди. Лапа стояла рядом, накрытая рогожкой. Девочке хватило сил, чтобы поднять ее двумя руками и с размаха опустить ее заострённый ко-нец на голову мерзавца. Когда он упал на колени, больше от неожиданности, она, визжа от ярости, страха и счастья возмездия, стала бить лапой по макушке, превращая в труху кости его черепа.

Потом было следствие – убийство как никак. Следовательно, по-началу настроенный против девочки, догадался покопаться в прошлом «дяди Саши». Закрывая дело, он сказал, что Алла Красавина заслужила орден, а работники детдомов тюрягу за равнодушные и головотяпство.

Аллу даже в другой детдом не перевели.

- А чем я могу тебя утешить? Если скажу, что твой брак был обречен с самого начала, тебе легче станет? - Алла Петровна отпила глоток кофе и поставила чашку на стол.

Мать и сын сидели на кухне по разные стороны обеденного стола. Между ними расположился обычный набор продуктов, из которого состоит ланч – не стоит описания. Плюс еще золото в приличной по размеру пирамиде. Сын вывалил его перед матерью и кратко рассказал о своей битве. Но мать не похвалила его, сказала только, чтоб оставил себе золото. Андрей отказался. Алла Петровна пожала плечами, но спорить не стала. Однако когда сын начал жаловаться на бывшую жену, она, к его удивлению, не приняла его сторону и выдала фразу, с которой началось описание этой сцены.

- Но почему? Чего ей не хватало? – он с порога отверг мысли о своей сексуальной несостоятельности.

- Всего. Да ты на улицу выйди и посмотри вокруг. Много ты увидишь красавиц с заурядными мужиками? Вообще не найдешь. Люди выбирают жен и мужей себе подстать. Брак между красавицей и обычным мужиком – это киношный нонсенс.

- Это я обычный? – сузил глаза сын. – Мне только тридцать два, а я уже доктор. У меня международные премии по химии. Когда мне в Париже вручали премию Лавуазье, то председатель в приветственной речи назвал меня будущим Фредом Сенгуром.

- Знаю, знаю, говорил. Если не изменяет память, это дважды нобелевский лауреат по твоей химии,

- Единственный в истории. Моя работа на шорт листе на нобелевку. У меня... Да я сейчас со штатниками разрабатываю такой проект... Мало никому не покажется. Что там еще? Машина у нас есть – приличный «Форд» внедорожник. Дача – пожалуйста...

- А у нее не было своей машины. Да и дачу нашу загородным дворцом не назовешь.

- Но и не сарай. Со всеми удобствами. А насчет машины - у нее прав не было...

- А будет свой шофер. Летняя резиденция в Монако, яхта...

- А у тебя тоже две квартиры в Европе. И какие!.. Ей нравилось там отдыхать.

- Это мои квартиры, сын. Она это знает. Что ты сравниваешь! Браки между такими как вы заканчиваются всегда одним и тем же – красавица уходит к более богатому самцу. Так было, так будет.

- А если ты знала, то почему дарила все это? - он собрал в горсть часть украшений, потряс ими и бросил на стол.

- Не швыряйся золотом – уважай металл. А дарила, чтоб удержать. Не помогло, как видишь.

- Ты не любила ее. Чего ради удерживать.

- Ты ее любил. Да что для меня это золото! Это ее трясло при виде колечка. А оно мне легко доставалось, - Алла Петровна достала из сумочки пачку сигарет, зажигалку и закурила.

- Интересно. С каких это пор золото стало легко доступным?

- Золото, Андрей, легко достается ворами. А твои родители в один прекрасный момент перестали быть честными людьми. И могу признаться, ни разу не пожалели. Золото дождем посыпалось в руки. Я не верила в деревянные и тратила их на вот на это, - мать ткнула пальцем в драгоценности. – Здесь есть действительно хорошие вещи. Антиквариат. Вот это кольцо стоит много больше того золота, из которого оно сделано. И еще несколько штук с

хорошими камнями. Но мне не было жалко. Такие вещи должна носить молодая и красивая, - она выпустила кольцо из рук и закончила. - А деньги все приходили и приходили...

- Ты как-то легко признаешься в нечестности.

- А ты не догадывался? – мать усмехнулась.

- С чего? При Совке я был ребенком, а потом верил в то, что вы были буржуями. И не задумывался особо, откуда деньги.

Андрею не пришлось думать над вопросом, как говорить с родителями, если точно знаешь, что они ворье? И воруют по крупному. Если родители не сели в тюрьму к моменту возмужания их чада, его подмывает сломать сицилийский обет молчания и задать вопрос: предки, откуда все это?.. И что он услышит в ответ? Правду?! Но в Павлика Морозова во времена позднего Совка никто не играл. Честные дети не ставили своих дорогих родителей в неловкую ситуацию. А к моменту взросления Андрея Совок сдох. Потому Андрей просто знал, что у мамы есть возможности жить так, как они живут. Сегодня мать сама подвела его к этой теме.

- Что бы там ни было, это все в прошлом, - твердо закончил он и добавил через паузу. – Надеюсь.

- Давно в прошлом, - мать сразу, взяла следующую сигарету..

- Чего-то ты разошлась, мамочка, – удивился он.

- Я просто вспоминаю сцену с Колей, после которой перевернулась вся наша жизнь.

- Хочешь рассказать?

- Теперь можно.

Телефонный звонок прервал их отключение от внешнего мира.

- Да, - он взял трубку.

- Андрей Николаич? – прозвучал мужской голос.

- Да.

- Мы от Ксении Федоровны. За ее вещами.

- Мы...

- Да. Мы хотим сейчас подъехать. Они собраны?

- Подъезжайте.

- Вы один дома?

- А в чем дело? – сразу насторожился Андрей.
- Да ни в чем, - ответ прозвучал стремительно. - Мы будем минут через пятнадцать.
- Он повернулся к матери.
- Звонили по поводу Ксениных шмоток. Сказали, будут через пятнадцать минут. И спросили, один ли я.
- Да? – мать выпускала колечками дым. – Интересно. Ты бы припрятал все это. У тебя есть куда?
- В этой квартире? Не смей меня. Да и зачем?
- А затем, что приедут они не только за шмотьём. Твоя бывшая считает эти цацки своими. И по понятиям она права. У тебя еще будут проблемы.
- Что?! – сморщился сын.
- Не будем это обсуждать. Сейчас, по крайней мере. Сбрось все в пакет и положи в мою сумку. Ко мне не полезут. А им скажешь, что золото ушло.
- Да пусть только попробуют.
- Остановишь? Приедут быки. Судя по вопросу, один ли ты, быки совсем тупые. Но морду тебе набить у них ума хватит. Школу Артема ты уже подзабыл. И меня побьют за компанию. Ты что? В милицию будешь звонить?
- Зачем, - усмехнулся он. – Мама! Твой сын – гениальный химик.
- Да, конечно. Он сможет растворить все это золото, а потом вернуть его в прежнее состояние. Собери, я сказала.
- Нет уж. Сама соберешь. А я пока подготовлюсь к их приходу, - Андрей достал пакеты, отдал их матери и вышел.
- Он быстро вернулся.
- Подготовился? - иронически спросила мать, запихивая золото в сумку.
- Да. А тебе лучше уйти с этим золотом. Тогда и конфликта не будет.
- Они не поверят. Перевернут квартиру и выпотрошат тебя. И поедут ко мне.
- Мам! Во первых, я не скажу. Во вторых – они не бандиты. Он же олигарх, а не вор в законе! А в третьих - я подготовился. Езжай.
- Я тебя не брошу. Я тебе мать.

- Драться будешь? Плечом к плечу с сыном?

Ну что, Алла Петровна, не пришло ли время сказать сыну, что своего первого человека вы убили в тринадцать лет? Нет. Не скажете. Сын потребует подробности, почему, за что?... А, может, расскажете о жизни в детдоме, с кем спали, сколько раз скреблись... Как хотели вас выпихнуть на трассу, но у старших ничего не вышло. Промысел на трассе был весьма и весьма опасен. Сколько их сгинуло... молодых девчонок. А у вас после каптерщика появилось звериное чутье на опасность.

К выпускному классу вокруг Аллы Красавиной сколотилась детдомовская банда. Она превосходила подельников по природному уму. И сумела сплотить их. Ее банда покрыла старшеклассников из окрестных школ необременительной данью. Девочек не трогали. Алла знала – они смелее, могут пожаловаться. Ни один пацан из «приличной семьи» не настучал на вымогателей! Страх сидел в душах будущих защитников отечества и неверие в помощь взрослых. Они же видели, как ведут себя родители в жизни – протест дальше кухни не протекал. Рубль к рублю собирались средства на выпивку и деликатесную еду в понимании детдомовцев – предел мечтаний каждого из них. Мало кто в детдоме знал о ее роли в детском рэке. Тогда же Алла научилась драться, поняв, насколько уязвимо мужское тело и какую боль можно ему причинить.

Нет, о детдомовском периоде она не расскажет – это совсем личное и никого не касается. Даже муж не знал, чего уж говорить об этом сыну.

Детдом не смог выбить из нее страсть, привитую ей родителями в пятилетнем возрасте. Это любовь к чтению. Алла читала в свободное время все, что попадалось под руку. Она перечитала всю библиотеку детдома (это было нетрудно ввиду ее скудости) и получила разрешение ходить в районную. Над ней смеялись до тех пор, пока она однажды не пересказала на ночь прочитанное своим одноклассникам. Точно попала с выбором

книги. «Алые паруса» имели огромный успех. Грина зачитали до дыр.

Алла не отдавала себе отчета, как сильно повлияла на ее характер эта страсть. Потом поняла, что именно чтение не дало ей, склонную к насилию и жестокости, превратиться в садистку, готовую искалечить просто потому, что так хочется сделать.

Как тут ни вспомнить знаменитое в годы Совка изречение М. Горького. Его можно было прочитать на стене каждой библиотеки: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». Кстати, рядом всегда висело второе, принадлежащее обладателю почетного титула «это наше все»: «Чтение – вот лучшее учение».

У нее не было возможности создать домашнюю библиотеку просто из-за отсутствия собственного дома. Но после замужества, когда она стала хозяйкой квартиры, стены комнат недолго оставались голыми – их закрыли книжные полки. Тогда она встретилась с характером, который стал ее кумиром – со Скарлетт О'Хара. Она нашла в американке родственную душу.

- Мне за шестьдесят, Андрей,- напомнила она сыну. - Даже если б захотела вспомнить молодость, это был бы только смех. А в мои сорок я б такого как ты, в секунду уложила.

- После такого волка как Артем? Не смеши меня, мама.

- Да. Я совсем забыла. Он тебя хорошо обучил. Ладно, об этом потом. Что делать-то будешь? Изобьют нас, если профессионалы.

- Да, может, они только за тряпками. Давай переживать неприятности по мере их поступления.

- Жванецкий не прав. К неприятностям надо готовиться.

- А я готов. Увидишь.

- Посмотрю, - матери стало интересно.

Ожидание было недолгим. Зазвенел дверной звонок, и Андрей пошел открывать.

В квартиру вошли два быка. Ничем не отличающиеся от тех, какие мелькают статистами в бесчисленных сериалах.

- Все готово, мужики. Забирайте барахло, - Андрей указал на две огромные туго набитые сумки и отошел к двери спальни.

- Это не все, - сказал один из них.

- А что еще? - Андрей сотворил удивление на лице. Это было легко – он просто поднял бровки. Даже губками не играл.

- Ксения Федоровна сказала, чтоб мы ее золото забрали.

- Ее золота здесь нет, - поскущел лицом Андрей.

- А куда ж оно делось? .

- А вот это не ваше дело, - посуровел Андрей. Сдвинул бровки, как пели в знаменитой когда-то песне – насупил сурово.

- А мы поищем, - сказал первый.

- А кто ж тебе даст? – Андрей засунул руку в карман брюк.

- А мы и спрашивать не будем, - первый нарочито медленно двинулся к Андрею. Спешить было некуда, никуда не денется. Он был неправ. Надо было прыгать.

- Я тебя подержу, а напарник поищет. Мы быстро управимся. Квартирка махонькая. Рыжья много - не золотую иголку искать будем. Дернешься, придушу слегка.

- Вы ведете себя, как будто со мной гусей пасли. Ровню себе нашли? – Андрей вытащил из кармана руку. На среднем пальце левой руки было надето кольцо с маленькой коробочкой. Бык уже находился в шаге от него. Андрей, откинул крышку, и бык увидел камень с острыми шипастыми гранями. Андрей поднял сжатую в кулак руку.

- Ребята! Не советую подходить. Это смертельно опасно. Не думаю, чтобы вы читали «Графа Монте-Кристо». И потому расскажу одну историю из книги.

- Я кино смотрел, - сказал первый.

- В кино этого нет, - отмахнулся Андрей. – А в книге был такой персонаж Цезарь Борджиа. У него было кольцо. Вот как это. Когда Цезарь хотел кого-то убить, он царапал камнем кожу своей жертвы, и несчастный подыхал через часик-другой. В мучениях. Я химик! Мне сделать такой яд ничего не стоит. Даю слово, что буду драться, а драться я умею, и уж точно оцарапаю обоих. Вы оба

сдохнете через час, извергая из себя кровавую блевотину, как это случилось с моей любимой подопытной обезьяной. А теперь – пошли вон.

В коридор вышла витрина ювелирного магазина. Мать нацепила на себя максимально возможное количество золотых вещей Ксении: на каждом пальце было по два кольца, на правой руке три тяжелых браслета, на левой – часы. Не простые часики – Картье за тридцать кусков. На шее – два массивных ожерелья. Сын понял идею матери. Она стала навешивать на себя золото с момента, когда он пошел открывать дверь. Все слышала и теперь дала понять, что золото искать не надо, но оно недостижимо, как золото Грановитой палаты. Между пальцами Аллы Петровны дымилась сигарета.

А я считаю, что Алла Петровна поступила глупо, выйдя с набором драгоценностей. Вот надо обязательно ляпнуть – мол, мы такие! Никого не боимся. Зачем она это сделала, я так и не врубился. Но сделала и сделала.

- С кем это ты так долго перетираешь, сынок? – Алла Петровна взглянула на часики.

Один из быков разбирался в часах. Он видел «Картье» на руках гостей олигарха и разглядывал каталоги дорогих марок, мечтая со временем повесить на своей волосатой руке такие же. Тогда он поднимется над быдлом, из которого состоит народ, как поднялся его хозяин, у которого часы были еще дороже. Выставка ювелирки его не впечатлила, но по часикам на руке и по равнодушным синим глазам женщины, он понял, что ее лучше обойти. Не из простых домохозяек она.

Будь у «химика» просто нож, они б его скрутили. Но нарываться на яд? Чего ради! Пусть сами устраивают разборки со своим золотом.

- Мы закончили, мама, - в подтверждение Андрей положил палец на крышку коробочки.

- Это хорошо, - мать холодно посмотрела на быков. – Чего ждете, фраера? Канайте отсюда.

Быки не заставили себя упрашивать. Они схватили сумки и быстро выкатились из квартиры.

- Я тоже пойду, - сказала мать, уходя на кухню.

- Нет. Вот ты-то как раз никуда не пойдешь. Разбежалась. Пойдет она...

- Не хами матери, - Алла Петровна улыбнулась.

- Мам. Как пишут в плохих романах, разговор между нами еще не окончен. Давай еще по кофе, и ты расскажешь мне, как дошла до жизни такой. Ты обещала. А ты никогда не обманывала сына, - с напором закончил он.

- Но я могла передумать?

- Не спорю, - сын поднял руки вверх. – Но рано или поздно... Давай уж сегодня.

А вот мне самому интересно, что мама расскажет сыну. До какого уровня откровенности дойдет. Будет ли она рассказывать Андрею, как ее бандиты выколачивали - в прямом смысле – деньги из новых русских. Как холодно она смотрела на их слезы и сопли, когда они умоляли не бить их.

Да их и не били особенно. Пары ударов хватало, чтобы сломить волю жертвы. Жесткие в бизнесе, безжалостные к конкурентам, новые бизнесмены оказывались мягкотелыми слабаками, когда речь заходила о физической боли.

А я бы тоже оказался слабаком, если б меня начали бить всерьез.

Членов их семей в заложники не брали. Алла Петровна знала, что такое родительская любовь и не переходила границы, за которой начинался беспредел. В заложники брали самого владельца, иногда громили или сжигали его заведение... да мало ли способов запугать до полусмерти.

Пойти в милицию? А кто верил тогда в ее желание покончить с рэкетом? Классовая ненависть ментов к новому сословию была надежным союзником рэкетиров. Ненависть ненавистью, но хоро-